

Надежда умирает последней

Автор:

[Тесс Герритсен](#)

Надежда умирает последней

Тесс Герритсен

Иностранный детектив

Билл Мэйтленд по прозвищу Дикарь Билл, отважный человек и первоклассный летчик, летал в самое пекло и возвращался как ни в чем не бывало. Но однажды его самолет разбился в джунглях Вьетнама. Дикарь Билл пропал без вести. Спустя двадцать лет его дочь, Вилли Мэйтленд, отправилась на поиски отца. Военные чины, уверенные в том, что Мэйтленд погиб, не смогли убедить ее в бессмысленности затеи. Ни угрозы, ни покушения на ее жизнь не остановили девушку. Армейский чиновник США, Гай Барнард, тоже разыскивает пропавшего летчика. Смелый, умный и обаятельный человек, отлично знающий Вьетнам, Барнард предлагает Вилли помощь и поддержку. В отчаянной гонке со смертью в чужой стране они не сразу понимают, что их связывает нечто большее, чем общая цель путешествия...

Тесс Герритсен

Надежда умирает последней

Адаму и Джошуа – моим маленьким разбойникам...

Введение

Лаос в районе границы с Северным Вьетнамом, 1970

Первые огни трассирующих зенитных снарядов рассекли небо в 30 милях от местечка Муонг-Сам.

«Де-Хэвиленд Твин Оттер» получила удар в заднюю часть фюзеляжа, и, словно необъезженная кобылка, машина взбрыкнула в воздухе под сиденьем Уильяма Мэйтленда – летчика по кличке Дикарь Билл. Движением, доведенным до автоматизма, он рванул штурвал, спасаясь от опасности резким набором высоты. Не успели уйти вниз опоясанные туманом горы, как новая очередь трассеров пронеслась сбоку от самолета, окутав кабину осколками.

– Тысяча чертей, Кози. Проклятье ты на мою голову, – процедил Мэйтленд в сторону напарника. – Чуть только мы оказываемся в небе в паре с тобой, как у меня на языке появляется привкус свинца.

Козловский в ответ только хлопнул пузырем жвачки.

– А чего ты волнуешься? – невозмутимо кивал он в сторону растрескавшегося лобового стекла. – Промазали на добрую пару дюймов.

– Да не на пару, а всего на один!

– Подумаешь, большая разница.

– Лишний дюйм – это охренеть какая разница.

Кози засмеялся, глядя в окно:

– Именно это я все время слышу от своей жены.

Дверь в кабину открылась, и грузчик Валдес просунул голову внутрь:

– Что, черт возьми, у нас все-таки творится... – Очередной трассер пронесся мимо, не дав ему договорить.

– Да комары у нас тут завелись нехилые, – отозвался Козловский и надул здоровенный розовый пузырь.

– Это что было, АК-47? – спросил Валдес.

– Да больше похоже на пятидесятимиллиметровые, – ответил Мэйтленд.

– Да, но нам ничего не сказали про пятидесятимиллиметровые, что за ознакомительную такую с нами все-таки провели?

– Такую, на какую твоих налогов только и хватило, – повел плечами Козловский.

– А как там дела с твоим «грузом», он штаны еще не намочил? – спросил Мэйтленд.

Валдес наклонился и доверительно сообщил:

– У нас тот еще пассажирчик на этот раз, доложу я тебе.

– Ну а когда было иначе? – поинтересовался Козловский.

– Нет, этот действительно странный. Вокруг зенитки шмаляют, а этот и глазом не моргнет, сидит, словно порхает над прудом с лилиями. Видел бы ты медальон у него на шее – там килограмм веса как минимум.

– Да брось ты.

– Да говорю же тебе, на этой толстенькой шейке болтается добрый килограмм золота.

– Кто он такой?

– Некий Лао, Ви Ай Пи, – ответил Мэйтленд.

– И все, шо про него сказали?

– Мое дело – доставка, остальное мне знать ни к чему.

Мэйтленд выровнял «Де-Хэвиленд» на прежние 8000 футов. Глянув назад через открытую дверь в кабину, он различил фигуру пассажира, преспокойно сидящего среди накиданных ящиков с припасами. В тускло освещенном салоне его загорелое лицо сияло медью. Глаза были закрыты, а губы что-то шептали. «Поди, молится», – подумал Мэйтленд. Пассажир и впрямь был не из простых.

Не то чтобы Мэйтленд никогда раньше не брал на борт белых ворон. За десять лет работы в «Эйр Америка» список переправленных им пестрел и немецкими овчарками, и кадровыми генералами, и обезьянами, и даже его собственными подружками. Куда скажут, туда и летал. Как он сам выражался: «Дайте мне аэродром у самих чертей в аду, и я вас там высажу, только покажите билет». «Что угодно, когда угодно, куда угодно» – таково было правило компании «Эйр Америка».

* * *

– Река Сонг-Ма, – объявил Козловский, глядя вниз, на щупальца тумана, окутавшие густые заросли джунглей.

– Укрытый уйма, если у них там имеются пятидесятимиллиметровки, нам придется попотеть при посадке.

– Попотеть придется в любом случае, – заверил Мэйтленд, оценивая взглядом зеленый бархат косогоров по обеим сторонам посадочной полосы.

Расщелина была узенькой. Приходилось на скорости резко забирать вниз. Полоса была катастрофически короткой и выглядела так, словно кто-то царапнул по лесу булавкой. К тому же нет гарантий, что в лесу не развернута артиллерия, ускользнувшая от внимания разведки. Однако, согласно заданию, требовалось посадить важную персону Лао, кем бы он там ни являлся, сразу при попадании на территорию Северного Вьетнама. Подбор же пассажира с места в задании не значился. «Словно прямым на тот свет», – подумал тогда Мэйтленд.

– Через минуту заходим, – бросил он через плечо Валдесу. – Подготовь пассажира, вот уж придется ему взять быка за рога.

– Он говорит, ящик там его.

– Чего? Мне ни о каком ящике не говорили.

– Закинули на борт в последний момент, сразу после багажа для Нам-Та. Увесистый, чертяка, помог бы мне кто-нибудь, а?

Козловский, покоровшись судьбе, отстегнулся.

– Ладно, – вздохнул он, – но имей в виду, мне за это не платят.

Мэйтленд захохотал:

– А за что, блин, тебе вообще платят?

– О, много за что, – произнес Козловский, пригибаясь, он лениво прошел мимо Валдеса в открытую дверь, – за то, что ем, сплю, отпускаю скабрзные шутки.

Последние его слова перерезал оглушительный взрыв, чуть не лишивший Мэйтленда барабанных перепонок. Ударной волной отшвырнуло Козловского, а вернее, то, что от него осталось, обратно в носовую часть. Кровью забрызгало приборы, закрыло показания высотомера, но Мэйтленд и без показаний ясно ощутил, что они стремительно теряют высоту.

– Кози! Кози! – глядя на останки напарника, вопил Валдес, почти полностью заглушаемый встречным вихрем.

«Де-Хэвиленд», эта раненая птица, изо всех сил старался удержаться в воздухе, сотрясаясь всем корпусом. Мэйтленд, тщетно давя на штурвал, понял, что гидравлика отказала, и единственное, что оставалось, – это плюхнуться «брюхом» на заросли джунглей. Он бросил взгляд в салон и в поднятой ветром кутерьме из всевозможных предметов разглядел окровавленное тело их пассажира, вмятое в ящики, а через дыру в подозрительно искореженном железе бил дневной свет, облака и небо мелькали на том месте, где раньше был

грузовой люк. Что за черт? Неужели шарахнуло внутри самолета?!

– Покинуть машину! – приказал он Валдесу, но грузчик не отреагировал, в ужасе он по-прежнему не сводил глаз с изуродованного тела Козловского. Тогда Мэйтленд вывел его воплем из оцепенения: – Сваливай на хрен!

Наконец Валдес очнулся и, спотыкаясь, стал пробираться в салон через груды разбитых ящиков и искореженного металла.

Дойдя до зияющей дыры грузового люка, он остановился и выкрикнул сквозь свист ветра:

– Мэйтленд!

Взгляды их встретились, и в ту же секунду они оба поняли, что видят друг друга живыми в последний раз.

– Я успею, – прокричал Мэйтленд, – прыгай!

Валдес немного отошел назад и спустя мгновение прыгнул в грузовую дыру. Мэйтленду некогда было оглядываться, чтобы посмотреть, раскрылся ли парашют, у него был другой повод для волнения. Самолет вихрем несло вниз. Он хоть и потянул было за ремень, чтобы отстегнуться, но уже знал, что удача ему не светит. Ни запаса высоты для прыжка, ни времени, чтобы влезть в парашют, у него уже не было. Да и парашют он никогда всерьез не воспринимал. Надеваешь его – значит, в себе как в летчике ты не уверен, а уж Мэйтленд знал, и все знали, что лучше его пилота нет. Сохраняя спокойствие, он снова пристегнулся и взялся за штурвал. Через разбитое носовое окно он видел верхушки леса: жестокие в своей равнодушной красоте, в буйстве зелени джунгли мчались ему навстречу. Почему-то он всегда знал, что все закончится вот так: вой ветра сквозь разбитую машину, земля, несущаяся навстречу, и руки, крепко, до белизны в суставах, сжимающие штурвал. На этот раз все было по-настоящему, и уйти было некуда. Это было потрясением – столь внезапное осознание конца.

Ошеломляющее прозрение: «Сейчас я умру». И это было действительно ошеломляюще – «Де-Хэвиленд» врезался в гущу леса.

Вьентьян, Лаос

В семь часов пополудни было получено сообщение: рейс «Эйр Америка» 5078 исчез.

Собравшиеся в оперативном кабинете связи армии США полковник Джозеф Кистнер и его сотрудники из центральной и контрразведки, оглушенные, молча переваривали новость.

Получается, та миссия, которую они так тщательно готовили, которая столько значит для страны, провалилась? Полковник Кистнер сразу же запросил подтверждения. Управление «Эйр Америка» предоставило все подробности. Рейс 5078, с посадкой в Нам-Та в 3 часа пополудни, на место назначения не прибыл. Поиски вдоль предполагаемого пути, продолжавшиеся до захода солнца, останков самолета не выявили. Однако было известно о большом скоплении зенитных орудий на подступах к Муонг-Саму. К тому же данная местность была испещрена горами, погодные условия непредсказуемы, а обходные пути для посадки своих ограничены. Пришли к законному логическому заключению, что самолет был сбит.

По лицам собравшихся вокруг стола было видно, что они примирились с этим мрачным фактом.

Вместе с погибшим самолетом улетучились их самые светлые надежды. Все смотрели на Кистнера и ждали его дальнейших действий.

– С рассветом возобновить поиски, – приказал он.

– Но это значит, ради мертвых пускать в расход живых, – возразил офицер из разведуправления, – помилуйте, господа, все мы знаем, что экипаж погиб.

«Негодяй ты бездушный», – подумал Кистнер. Хотя тот, как всегда, был прав.

Полковник собрал со стола бумаги и вытянулся.

– Речь не о людях, – сказал он, – мне нужен самолет. Чтобы обломки были найдены.

– А что же потом?

Кистнер щелкнул замком портфеля.

– На переплавку.

Офицер из управления кивнул в знак согласия. Никто не возражал. Задание провалено, и сделать с этим ничего было нельзя. Оставалось лишь уничтожить следы.

Глава 1

Настоящее время. Бангкок, Таиланд

Генерал Джо Кистнер не страдал от жары и этим глубоко изумлял Вилли Джейн Мэйтленд, чье тело изнывало от зноя в пропитанном потом хлопковом нижнем белье, блузке «шамбре» без рукавов и саржевой в складку юбке. Краснощекий, с массивной нижней челюстью, с испещренным жилками носом и толстой шеей, готовой лопнуть под накрахмаленным воротником, – весь облик Кистнера говорил о том, что в такую жару этот человек должен ходить насквозь мокрым от пота, но он был бодр и свеж. «Старый твердолобый вояка до мозга костей, непрошибаемый во всяком случае и прямолинейный» – таким его видела Джейн. Разве что глаза – этот скрытный уклончивый взгляд – ее несколько смущали. И теперь эти прохладные бледно-голубые глаза смотрели сквозь веранду в пустоту, туда, где заросшие холмы Таиланда источали влагу под действием жаркого послеобеденного солнца.

– Бессмысленное предприятие, мисс Мэйтленд, – сказал он, – прошло уже двадцать лет, могу заверить, ваш отец мертв.

– Но моя мать никогда не поверит в это, пока лично не предаст тело земле, генерал.

– Ах, ну да, конечно, – вздохнул он, – жены, как же без них. Вдов было столько, что лучше и не вспоминать.

– Но она-то помнит.

– Даже не знаю, что вам и сказать... и что вообще я должен говорить?

Он обернулся и уставился на нее своими выцветшими глазами.

– Бросьте, мисс Мэйтленд, ну к чему вам все это, разве что хотите потешить свое любопытство?

Вот наглец! Видеть в ее действиях простое любопытство! Мало что в мире раздражало Вилли больше, чем пренебрежительное отношение к ней. Особенно такого узколобого, напыщенного поджигателя войны. Чины для нее ничего не значили. Скольких болванов от армии она уже перевидала за последние несколько месяцев. Все они выражают сожаление, помочь ничем не могут и просто отделиваются пустыми отговорками. Но от нее им просто так не избавиться. Она продолжала наседавать на истуканов, пока те либо не давали ей вразумительный ответ, либо не указывали на дверь. И, надо сказать, ей не раз приходилось быть выставленной.

– Обратитесь в комитет по потерям, – предложил Кистнер, – они должны помочь.

– Они уже заверили меня, что не могут помочь.

– Но и я не могу.

– Мы с вами оба знаем, что вы можете.

Возникла пауза, и генерал вкрадчиво спросил:

– Неужели?

Она придвинулась к нему, желая улучшить момент:

– Я не сидела сложа руки, генерал. И письма писала, и десятками опрашивала всех, кто был хоть как-то причастен к тому последнему заданию. И всякий раз при упоминании Лаоса или рейса 5078 ваше имя тут как тут.

Генерал лениво улыбнулся:

– Что ж, приятно, когда тебя помнят.

– Я слышала, что вы были военным атташе во Вьентьяне и что миссией руководил ваш штаб. И что вы лично были инициатором этого задания.

– Откуда эти сплетни?

– У меня есть связи в «Эйр Америка», старые друзья отца, уж им-то, я думаю, можно верить.

Кистнер ответил не сразу. Он вглядывался в собеседницу, словно в карту военных действий.

– Вполне возможно, что и был, – наконец выговорил он.

– В том смысле, что вы неотчетливо помните?

– В том смысле, что я не уполномочен обсуждать этот вопрос, тем более с вами. Это секретная информация, и то, что произошло тогда в Лаосе, – весьма щекотливая тема.

– О каких секретах может идти речь? Ведь война уже пятнадцать лет как кончилась.

Кистнер умолк, озадаченный таким напором, тем более необычным для человека ее скромных пропорций. Ему вдруг стало ясно, что Вилли Мэйтленд, ростом каких-нибудь пять с лишним футов, не считая обуви, могла задать шороху не хуже, чем шестифутовый десантник, такая без боя сдаваться не будет. В ту самую минуту, как она ступила на веранду – гордо расправленные плечи, острый подбородок независимой, уверенной в себе женщины, – он почувствовал, что с ней придется считаться. Он вспомнил избитое выражение, которое любил

повторять Эйзенхауэр: «Не огнем ружья, но огнем бойца». Три войны, через которые он прошел, – Япония, Корея, Вьетнам – научили Кистнера, что никогда нельзя недооценивать противника, и сейчас он понимал, что дочь Дикаря Билла Мэйтленда – достойный противник. Его взгляд скользнул по веранде, и остановился на волшебных зеленых горах. Попугай ара, в кованой клетке, издал недовольный вопль.

Наконец, Кистнер заговорил:

– Рейс 5078 стартовал из Вьентьяна с тремя членами экипажа на борту: ваш отец, грузчик и помощник пилота. В ходе полета они свернули с маршрута в сторону Северного Вьетнама, где, как мы полагаем, их сбил вражеский огонь. Лишь одному грузчику, по имени Луис Валдес, удалось покинуть гибнущую машину. Его тут же схватили вьетконговцы. Вашего отца обнаружить так и не удалось.

– Но это не значит, что он погиб. Ведь Валдес выжил.

– Слово «выжил» в его случае не совсем уместно.

Они оба на мгновение смолкли, почтив память человека, который пять лет пробыл военнопленным, чтобы затем погибнуть в родной стихии. Луис Валдес вернулся на родину в субботу, а в воскресенье пустил себе пулю в лоб.

– Вы кое-что недоговариваете, генерал. Я слышала, что в самолете был пассажир.

– Ах да, – слишком быстро ответил Кистнер, – я совсем забыл.

– Кто это был?

Кистнер пожал плечами:

– Некий Лао, имя вовсе не важно.

– Он работал на разведку?

– А вот этого вам знать не полагается, мисс Мэйтленд.

Кистнер отвел глаза, и стало ясно, что все, что касается Лао, он обсуждать не станет.

– После того как самолет разбился, – продолжал генерал, – мы всех подняли на поиски, но местность насквозь простреливалась. Стало очевидно, что, даже если кому-то посчастливилось выжить, плена им не избежать.

– И вы оставили их там?

– У нас не принято разбрасываться людьми, мисс Мэйтленд, а операция по спасению экипажа рейса 5078 обернулась бы гибелью живых людей во имя покойников.

Несомненно, в его словах был резон. Это был трезвый расчет тактика. Он был начеку. Вот и теперь, прямой как шомпол, он сидел в своем кресле, не сводя глаз с невинной зелени холмов, окружающих виллу, будто и там мог появиться враг.

– Мы так и не нашли место падения, – продолжал он, – но это и неудивительно, в джунглях и не такое можно потерять. Вечная дымка над ущельями, а деревья растут так густо, что земля никогда не видит солнца. Да вы и сами в этом скоро убедитесь. Когда вы отправляетесь в сторону Сайгона?

– Завтра утром.

– И что же, вьетнамская сторона не воспротивилась?

– Я не раскрывала им цели посещения, боялась, что мне не выдадут визу.

– Мудрый поступок, они не любят прямолинейность. Что вы же им сказали?

– Что я простая путешественница, каких пруд пруди, – она усмехнулась, покачав головой, – что иду дикарем, решила установить личный рекорд и за две недели обойти шесть городов.

– По-другому на Востоке и нельзя, напрямик – ни в коем случае, только окольными путями.

Он посмотрел на часы, дав понять, что ее время истекло. Они оба встали, и в момент рукопожатия она почувствовала на себе его оценивающий взгляд. Он быстро, по-деловому сжал ей руку, как и следовало ожидать от бывалого вояки.

– Желаю удачи, мисс Мэйтленд, – он поставил кивком точку на ее визите, – надеюсь, ваши поиски увенчаются успехом.

И тут только она заметила капельки пота, алмазно сверкающие на лбу генерала.

Проводив взглядом молодую женщину, сопровождаемую слугой внутрь дома, генерал Кистнер почувствовал, что его охватила тревога. Слишком хорошо он помнил, каков был Дикарь Билл Мэйтленд. Дочь же явно недалеко ушла от отца, и от нее следовало ждать неприятностей. Он подошел к чайному столику и позвонил в серебристый колокольчик. Звон легко проник через веранду в дом, и минуту спустя явился секретарь.

– Мистер Барнард не приехал? – спросил генерал.

– Вот уже полчаса, как он ожидает вас.

– А шофер мисс Мэйтленд?

– Я отпустил его, как вы и велели.

– Хорошо, – генерал удовлетворенно кивнул, – очень хорошо.

– Пригласить мистера Барнарда в дом?

– Не надо, скажи ему, что я отменяю на сегодня все встречи. И на завтра тоже.

Секретарь насупился:

– Он будет весьма недоволен.

– Не сомневаюсь, – ответил Кистнер, уже направляясь к себе в кабинет, – не моя забота.

Шаги отдавались эхом в просторном, как в соборе, зале, через который таец, слуга в безупречном белом пиджаке, проводил ее в приемную. Там он, с выражением почтения на лице, предложил вызвать для нее авто.

– Нет, благодарю, меня отвезет мой шофер.

Слуга удивился:

– Но ваш шофер недавно уехал.

– Как это так? – Она посмотрела в окно. – Ему было сказано ждать.

– А может быть, он поставил машину за деревьями, в тени, я проверю.

В окно Вилли видела, как слуга изящно спорхнул по ступенькам вниз. Сад был огромным и весь утопал в зелени, так что машина могла легко спрятаться в зарослях. В стороне от автомобильного съезда работал, подравнивая кусты жасмина, садовник. Безупречная дорожка из щебня вела через газон к цветнику с каменными скамейками. А совсем вдалеке, окутанные голубоватой дымкой, всплывали как во сне городские постройки Бангкока. За спиной Вилли, привлекая ее внимание, прокашлялся мужчина. Она обернулась и только тут заметила человека в дальнем углу приемной. Он слегка кивнул, как бы приветствуя ее. Едва заметная кривая усмешка промелькнула на его лице, на загорелый лоб спадала копна каштановых волос. Затем он снова принялся разглядывать старинный гобелен на стене. Нет, он не производил впечатления человека, интересующегося изъеденными молью коврами. Пот проступил на спине через защитную рубашку, с лихо засученными по локоть рукавами. Его брюки выглядели так, словно в них спали бесменно целую неделю. Портфель с надписью «Армия США, отдел опознания» стоял тут же возле его ног, но он не производил впечатления военного. В том, как он держал себя, не было заметно выправки. Ему бы скорее пошло сидеть развалившись где-нибудь у барной стойки, нежели обивать мраморные пороги генеральской приемной.

Но тут вошел слуга, виновато качая головой:

– Это какое-то недоразумение, мисс Мэйтленд. Садовник сказал, что ваш шофер уехал обратно в город.

– Не может быть, – с отчаянием воскликнула она, глядя в окно, – как же я теперь вернусь в Бангкок?

– Я уверен, что водитель мистера Кистнера отвезет вас, сейчас он ненадолго отъехал по делам, но скоро должен вернуться, а пока не желали бы вы осмотреть наш сад?

– Да, да, наверное... в общем, это было бы замечательно.

Слуга, гордо улыбаясь, отворил дверь, ведущую в сад.

– Этот сад заслужил себе немалую славу. Генерал известен своей коллекцией орхидей дендробиум. Они в конце аллеи, у пруда с карпами.

Она шагнула в духоту предвечернего марева и пошла вниз по дорожке из щебня.

Все вокруг застыло, только щелканье ножниц садовника нарушало тишину.

Она направилась к деревьям, растущим поодаль, но на середине пути внезапно обернулась и посмотрела в сторону дома. Сперва ее ослепило солнце, отражавшееся от мраморного фасада, но потом она присмотрелась и разглядела на первом этаже человеческую фигуру у окна. «Прислуга?» – подумала она, повернулась и пошла дальше, но теперь ясно ощущала, что кто-то непрерывно за ней следит.

Гай Барнард стоял возле французского окна и наблюдал за женщиной, идущей по газону в сад. Ему нравилось, как лучи играли на ее стриженных янтарных волосах. Ему нравились ее движения, ее легкая энергичная походка. Затем его взгляд, как полагается, скользнув по одежде, по блузке без рукавов, по юбке уж слишком строгого фасона, выхватил искомое: тонкая талия, красивые бедра, чудные ножки, прелестные щиколотки... Он с усилием остановил полет воображения. Не время было отвлекаться. И все-таки он еще раз бросил взгляд

на стройные очертания. Еще чуть-чуть, и она была бы, что называется, кожа да кости. Но ножки! Ножки были хороши. Позади простучали шаги по мрамору, Гай обернулся и увидел генеральского секретаря, тайца с безволосым, каменным лицом.

– Мистер Барнард, мы приносим извинения за задержку, но возникли чрезвычайные обстоятельства...

– По крайней мере сейчас он сможет меня принять?

Секретарь замялся:

– Боюсь, что не...

– Я жду уже с трех часов!

– Я прекрасно понимаю, но случилось так, что... боюсь, ваша встреча с мистером Кистнером не состоится.

– Хочу вам напомнить, что это он желал меня видеть, а не я его.

– Да, но...

– Я потратил время, хотя я очень занятой человек, – здесь он позволил себе некоторое преувеличение, – проделал сюда такой путь, и что же...

– Я все понимаю.

– Хотя бы объясните мне, зачем я ему был нужен.

– Вам придется спросить об этом у него самого.

Гай все это время сдерживал раздражение, и наконец не выдержал. Хотя он не был слишком высок ростом, однако на добрую голову возвышался над секретарем.

- И что же, генерал всегда так ведет дела?

Секретарь только беспомощно пожал плечами:

- Извините, мистер Барнард, но в этом виноваты чрезвычайные обстоятельства.

Взгляд его скользнул в окно. Гай посмотрел в ту же сторону и увидел через стекло то, на что смотрел таец, - женщину с янтарными волосами.

Секретарь шаркнул ногой в знак того, что ему пора идти.

- Не считите за труд, позвоните через несколько дней, мистер Барнард, и я уверен, он вас примет.

Гай подхватил свой портфель и направился к выходу.

- Через несколько дней, - бросил он, - я уже буду в Сайгоне.

«Полдня коту под хвост», - с отвращением подумал он, спускаясь по балюстраде. Не найдя своей машины у спуска, он снова выругался. Машина стояла метрах в ста отсюда, в тени раскидистого дерева, водителя не было и в помине, ох уже этот Пуапонг, наверняка приударяет где-нибудь за дочерью садовника. Солнце пекло как в духовке, и от дорожного щебня несло жаром. На полпути к машине он ненароком опять посмотрел в сторону сада и увидел, что на каменной скамейке сидит та, с янтарными волосами. Вид у нее был потерянный, и неудивительно, ведь бог его знает, когда вернется водитель, чтобы отвезти ее в город, а туда путь неблизкий.

«А какого черта, - подумал Гай, направив шаги в ее сторону, - пусть составит мне компанию».

Она пребывала в глубокой задумчивости и взглянула на него, лишь когда он подошел вплотную.

- Прекрасная погода, - сказал он.

– Добрый день. – В задумчивости она посмотрела сквозь него, в ее голосе не было ни дружелюбия, ни неприязни.

– Вам ведь, кажется, нужно в город?

– Меня скоро должны подвезти, спасибо.

– Так можно долго прождать, а мне все равно в ту же сторону.

Она не отвечала, и тогда он добавил:

– Мне это пара пустяков, правда.

Она изучающе посмотрела на него своими серо-голубыми немигающими глазами, и казалось, видела его насквозь. Эта красotka была не из тихонь.

– Водитель Кистнера должен отвезти меня, – наконец произнесла она, оглядываясь на дом.

– Но я-то здесь, а он нет.

Она опять молча пронизывающе посмотрела на него. Кажется, он внушил ей доверие, она поднялась:

– Спасибо, очень обяжете.

Они направились по гравию к машине. Подойдя, Гай увидел, что задняя дверца открыта и из нее торчат две загорелые немытые пятки – на заднем сиденье возлежал, распластавшись точно покойник, его водитель. Женщина приостановилась, не сводя глаз с безжизненного тела:

– Боже мой, я надеюсь, он не...

Изнутри раздался счастливый храп.

– Он? О нет, – ответил Гай. – Эй, Пуапонг. – Он постучал по крыше машины.

В ответ из машины раздались новые раскаты храпа.

- Вставай, спящая красавица, проснись, или, может, тебя сначала поцеловать?

- А-а? Что-о? - Пуапонг зашевелился и приоткрыл красный, весь в жилках глаз. - Салют, начальник, ты уже вернулся?

- Хорошо поспал? - дружелюбно спросил Гай.

- Да неплохо.

- Слушай-ка, боюсь показаться наглым, но мне бы надо подвезти вот эту даму, - сказал Гай, элегантно жестом давая понять шоферу, что надо бы освободить место.

Водитель выполз наружу, кое-как в полусне добрался до водительского места, помотал головой несколько раз и стал шарить по полу рукой в поисках ключей.

Сомнения одолевали спутницу Гая, и она осторожно спросила его:

- А он в состоянии вести машину?

- Он? Да у него реакция, как у кота! Когда он трезвый.

- И что же сейчас, он трезвый?

- Пуапонг, ты трезвый?

Уязвленное самолюбие прозвучало в голосе водителя.

- А что, не видно, что ли?

- Вот вам и ответ, - сказал Гай.

– М-да, утешили, – вздохнула она. С тоской она посмотрела на дом, там, на ступеньках, теперь стоял тот самый слуга, таец, и махал на прощание рукой.

Гай поторопил ее жестом, предлагая садиться, ведь «до города путь неблизкий».

Она сидела молча, пока они ехали вниз по извилистой горной дороге.

Они оба сидели сзади, на расстоянии локтя друг от друга, но вид у нее был отчужденный.

Она, казалось, поглощена созерцанием пейзажа за окошком.

– Вы провели немало времени в кабинете у генерала, – заметил он.

– У меня было к нему много вопросов, – кивнула она.

– Вы репортер?

– Что? – Она посмотрела на него. – О нет, это давние семейные дела.

Он ждал, что она расскажет подробнее, но она снова отвернулась к окну.

– Должно быть, что-то уж очень важное, – предположил он.

– Почему вы так думаете?

– После того как вы ушли, он отменил все свои встречи, со мной в том числе.

– Вас так и не приняли?

– Дальше секретаря пройти не удалось. При том что генерал сам изъявил желание меня видеть.

На мгновение она нахмурила брови, явно озадаченная, но затем лишь пожала плечами:

– Уверена, что я здесь ни при чем.

«Уверен, что еще как при чем», – подумал он про себя раздраженно. Боже, что же его в ней напрягает? Вот ведь сидит не шелохнувшись, но он явно чувствовал, что в этой хорошенькой головке бушуют вихри. Насчет хорошенькой теперь, конечно, сомневаться не приходилось, но безо всяких там глупостей. Ей хватало ума не пользоваться косметикой: это поставило бы под сомнение облик «правильной девочки». Его никогда раньше не интересовали такие «правильные». Ему ближе были «неправильные» – те, что из «неправильных» районов или с «неправильных» улиц. Но на этот раз все по-другому. У нее были глаза дымного оттенка, острый подбородок и небольшой вздернутый носик, слегка присыпанный веснушками.

Рот же, при правильном обращении, вполне годился для поцелуев.

Сам собой с его языка сорвался вопрос:

– Ну и надолго вы в Бангкоке?

– Я уже пробыла здесь два дня и завтра улетаю.

«Черт», – подумал он.

– В Сайгон.

– Сайгон?! – У него отвисла челюсть от удивления.

– Ну или город Хошимин, как угодно.

– Вот это совпаденнице, – сказал он тихо.

– Что именно?

– Я лечу в Сайгон через два дня.

- Неужели? - Она глянула на сиденье, где лежал портфель с выведенным через трафарет «Армия США, отдел опознания».

- Правительственное задание?

Он кивнул.

- А у вас что?

Она устремила взгляд строго вперед:

- Я по семейному делу.

- Ясно, - сказал он, раздумывая, что же это за дела, блин, такие семейные, - а вы раньше бывали в Сайгоне?

- Была один раз, но мне тогда было всего десять лет.

- Отец там служил?

- Положим. - Она продолжала смотреть куда-то вдаль перед собой. - Города я толком не помню, пыльно, жарко, полно машин, одна большая пробка. Еще женщины красивые.

- Много изменилось с тех пор, машин здорово поубавилось.

- А женщин?

Он засмеялся:

- Нет, женщины остались, жара и пыль тоже. Но все остальное изменилось.

Он замолчал. Потом словно невзначай добавил:

- Если случится застрять там где-нибудь, так я смогу помочь.

Явно заинтересованная его предложением, она не знала, принимать ей его или нет.

«Ну же, давай, не отказывай мне», – думал он и вдруг поймал в зеркале ухмыляющуюся физиономию Пуапонга, который откровенно глумливо подмигивал ему. Только бы она ничего не заметила! Но Вилли, разумеется, видела подмигивания и ухмылки Пуапонга и немедленно разгадала их глубокий смысл. «Старая история», – подумала она устало. «Сейчас он предложит с ним отужинать, я скажу, что не могу, тогда он позовет чего-нибудь выпить вместе, и тогда я сломаюсь и соглашусь, ведь как устоять перед таким красавцем».

– Представляете, у меня сегодня выдался свободный вечер, – сказал он, – вы не хотели бы поужинать со мной?

– Я не могу, – ответила она и подумала, кто же все-таки сочинил этот постылый сценарий и удалось ли кому-нибудь хоть раз отклониться от него?

– Ну, может быть, тогда пропустим по стаканчику? – Легкая зовущая улыбка в ее сторону.

И тут ей показалось, что она вот-вот сорвется в пропасть. Самое-то смешное, что он вовсе не был красавцем. Нос приплюснут – где-то, наверное, умудрился сломать его и даже не позаботился выправить. К волосам явно давно не притрагивались расческой, чего там говорить о парикмахере. По ощущениям, ему было где-то под сорок, хотя возраст не сказался на внешности, разве что морщинки вокруг глаз от привычки улыбаться. Бесспорно, она встречала в жизни куда более привлекательных мужчин, и таких, которые могли бы предложить побольше, чем просто ночка кувырканий в гостинице на чужбине. «Что же все-таки меня в нем привлекает?»

– Всего по стаканчику, – снова предложил он.

– Да нет, – ответила она, – нет, спасибо.

Слава богу, он не стал больше настаивать.

Кивнув, он откинулся на сиденье и стал смотреть в окно. Пальцами он барабанил по портфелю, и этот беспорядочный ритм стал выводить ее из себя. Она попробовала не обращать на него внимания, так же как и он старался игнорировать ее, но у нее ничего не получалось – слишком заметным было его присутствие. Когда они приехали к отелю «Ориенталь», ей уже хотелось выпрыгнуть из машины, что она в общем-то и сделала.

– Спасибо, что подвезли, – сказала она на прощание и хлопнула дверцей.

– Эй, погодите, – крикнул он через открытое окно, – я так и не знаю вашего имени.

– Вилли.

– А фамилия есть?

Она обернулась и, зашагав вверх по ступенькам, бросила через плечо:

– Мэйтленд.

– Как-нибудь увидимся, Вилли Мэйтленд! – выкрикнул он.

«Сомневаюсь», – подумала она, но, как только дошагала до входа, не удержалась и взглянула вслед исчезающей за поворотом машине. Тут только она осознала, что не знает, как его зовут.

Гай сидел на кровати в гостинице «Либерти» и гадал, что же его занесло в эту дыру.

Пожалуй, воспоминания. Ну и скидки для правительственных сотрудников. Он всегда, с самой войны, останавливается здесь, когда ездит в Бангкок, и только теперь осознал давнюю нужду в перемене. Конечно, с этим местом было связано много воспоминаний. Он никогда не забудет тех жарких любовных ночей 1973 года. Ему двадцать, он – рядовой в отпуске; ей тридцать, она – военная медсестра. Дарлин, точно, так ее звали. Когда он видел ее в последний раз, она была обвешана тремя детьми, дымила как паровоз и на ней было килограммов двадцать лишнего веса. Жалкое зрелище. Скатилась – что она, что эта

гостиница. «Да я и сам, наверное, скатился», – подумал он, его взгляд блуждал по улицам Бангкока за грязным гостиничным окном. Как он любил раньше этот город, любил бродить по рынкам, таким пестрым, что в глазах рябило. Любил шататься ночами по закоулкам Пэт-Понга, где не было отказа в музыке и женщинах. Он был тогда совершенно беззаботен: ни жара, ни шум, ни запахи его не волновали, ни даже пули. Он ощущал себя неуязвимым, бессмертным. Кто-то другой получит пулю и будет отправлен в деревянном ящике домой, кто-то, но только не он. Ну а если ты начинал трястись беспрестанно за свою жизнь, боец из тебя получался некудышный. И в конце концов он превратился в такого бойца. Он до сих пор недоумевал, как это ему удалось тогда выжить. Сам факт того, что он живым вернулся домой, был выше его понимания – как подумаешь об остальных на том транспортном самолете из Дананга – этой руке спасения, что должна была их вытащить из пекла и доставить в родное гнездо. По-прежнему на нем шрамы от крушения, и по-прежнему он до смерти боится летать. Он откинул в сторону мысль о предстоящем полете в Сайгон. Передвижение по воздуху, к сожалению, было неотъемлемой частью его профессии, и ему ничего не оставалось, как в очередной раз сесть в самолет.

Он открыл свой дипломат, вытащил охапку папок и разложил на диване. Раскрыл первое досье – таких с Гонолулу он привез десятки. В каждом упоминалось имя, звание, порядковый номер, фотокарточка и подробнейшее описание обстоятельств исчезновения. На этот раз перед ним был морской летчик, капитан-лейтенант Юджин Стоддард – в последний раз его видели, когда тот катапультировался из вышедшего из строя бомбардировщика в сорока милях к западу от Ханоя.

Досье включало записи зубного врача и показания рентгеновского снимка поврежденного в подростковом возрасте предплечья. Пропущены были лишь сущие мелочи: овдовевшая жена, дети, и еще пробелы, пробелы... Всегда оставались пробелы, когда боец оказывался без вести пропавшим.

Гай наскоро пробежал записи, кое-что отметил про себя и перешел к следующему досье. В этом фотографии не было. Это дело было добавлено сверху, в последний момент ему пришлось его взять с остальными. На обложке стоял гриф «Секретно», а год назад его переделали в «Рассекречено».

На первой же странице он нахмурился.

Кодовое имя: Фрайер Так.

Стадия: дело открыто (на текущий момент 10.1985).

В деле имеются:

1. Показания свидетелей.
2. Подложные личности.
3. Состояние розыска на данный момент.

Фрайер Так. Человек-легенда, про которого знает всякий, кто воевал во Вьетнаме. Во время войны Гай был уверен, что рассказы про гадину американца, пересекающего небо на стороне врага, были простой выдумкой. Но несколько недель назад вскрылось другое. Гай сидел за своим письменным столом в военной лаборатории, когда двое представителей из организации под названием «Эриал групп» вошли в его кабинет.

– У нас к вам дело, – сказали они, – нам известно, что вы собираетесь лететь во Вьетнам, так вот нам нужно, чтобы вы занялись поисками одного военного преступника.

Им нужен был Фрайер Так.

– Да бросьте вы, – Гай расхохотался, – я вам не армейская ищейка. Да и нет никакого преступника, это миф.

В ответ они вручили ему чек на двадцать тысяч – «на расходы», как они выразились. Он получит за предателя и больше, если передаст его в руки правосудия.

– А что, если я откажусь?

– А вот это вряд ли, – последовал ответ, и они поведали Гаю что-то, что они о нем знали, одну историю из прошлого – кое-что, совершенное им во время войны. Такая тайна, которую повороши – и ему конец, так что он отгородился от нее стеной страха и презрения к себе. В случае разоблачения, говорят они, его ждет сначала горькая слава обнародования, затем судебный процесс, решетка. Он оказался в ловушке. Чек был принят, и он стал ожидать дальнейших указаний. За день до его отбытия из Гонолулу в особом конверте пришло задание.

Не вскрывая, он сунул его в дипломат. И теперь, читая его в первый раз, он отдельно задержался на разделе «Скрывается под именами». Ему попало несколько имен из своего списка пропавших без вести, что возмутило его до глубины души. Ведь люди не вернулись домой, скорее всего погибли, и навешивать на них ярлык предателей было кощунством по отношению к памяти бойцов. Один за другим перед ним вставляли летчики, подозреваемые в измене. Где-то на середине списка его внимание задержалось на записи «Уильям Т. Мэйтленд, пилот «Эйр Америка». Рядом стояла сноска, в ней значилось: «См. док. М-70-4163 из отдела контрразведки (секретно)».

«Уильям Т. Мэйтленд», – думал он, пытаюсь вспомнить, где он мог слышать это имя. Мэйтленд, Мэйтленд. Тут он вспомнил женщину на вилле у Кистнера, миниатюрную блондинку с потрясающими ногами. Она говорила о каком-то семейном деле, и по этому делу она приходила к Кистнеру, человеку, связь которого с контрразведкой была неоспоримой.

– Увидимся как-нибудь, Вилли Мэйтленд.

Невозможное совпадение. И все же...

Он вернулся на первую страницу и заново прочел весь раздел о Фрайере Таке, от начала до конца. Дважды он прочитал «Состояние розыска на данный момент», затем встал с кровати и заходил по комнате, прикидывая свои дальнейшие действия, хотя по-всякому выходило плохо.

Он никогда не приветствовал манипулирование людьми, однако его взяли за самое горло, его старый проступок был описан во всех подробностях. «Сколько же еще таких, как я, – думал он, – скрывающих позорное прошлое и держащих рот на замке? А проговорись – и тебе крышка».

Он захлопнул дело. В нем не хватало сведений, ему нужна была помощь той женщины.

«Но хватит ли у меня духу? – думал он. А внутренний голос спрашивал: – А разве у тебя есть выбор?»

Было скверно на душе от предстоящего, но выбора не было.

В 5 часов вечера жизнь в ночном клубе «Бонг-Бонг» только разгоралась. Трое женщин на сцене, лоснящихся и сверкающих, извивались как одна, словно некое змеиное трио. Из стереодинамиков грохотала музыка – тупой, но напористый ритм, от которого дрожал в темноте воздух. Сидя в углу за своим обычным столиком, Сианг следил за бурлением в клубе: потягивали спиртное мужчины, официантки ошивались вокруг в ожидании чаевых. И тут его взгляд приковала девица на сцене, та, что была в середине. Она выделялась из прочих. Широкие бедра, крепкие ляжки и розовый, плотоядный язык. Он не смог бы описать словами ее взгляд, но это был тот самый взгляд. На джи-стрингах болталась цифра 7. Он обязательно спросит попозже номер 7.

– Доброе утро, мистер Сианг.

Он поднял глаза, чтобы разглядеть того, кто стоял в стороне от света. Никогда не переставал он поражаться размерам этого человека. Даже теперь, спустя двадцать лет после их первой встречи, он чувствовал себя малышом рядом с этим великаном. Человек заказал пива и сел за его столик.

– Что, новенькая? – спросил он, глядя на сцену.

– Та, что посередине, да.

– Ну что же, хороша, и в твоем вкусе, не так ли?

– Может быть, посмотрим.

Сианг сделал глоток виски, не сводя глаз со сцены.

- Так ты говорил, что для меня есть работа?

- Ничего особенного.

- Надеюсь, про оплату такого не скажешь?

Человек тихо усмехнулся:

- Ну что ты, разве я когда-нибудь обижал тебя деньгами?

- Имя?

- Это женщина, - он кинул на стол фотографию, - зовут Вилли Мэйтленд. Тридцать два года, чуть ниже среднего роста, рыжеватые волосы, короткая стрижка, серые глаза. Остановилась в гостинице «Ориенталь».

- Американка?

- Да.

- Необычный заказ.

- Дело в некотором роде срочное.

«Так, а вот и наценочка», - промелькнуло у Сианга.

- Что так?

- Она улетает в Сайгон завтра утром, так что у тебя в распоряжении только сегодняшний вечер.

Сианг кивнул и снова устремил взгляд на сцену. Было приятно, что та, под номером 7, смотрела прямо на него.

- Времени достаточно, - сказал он.

Вилли Мэйтленд стояла у реки, глядя на речную воду, спадающую с порога вниз. Находясь на обеденной веранде, Гай заметил ее изящную фигурку, склонившуюся над заграждением, ветер трепал ее короткие волосы. По приподнятым плечам, по сосредоточенному взгляду ему показалось, что она сейчас была не расположена к общению. Подойдя к барной стойке, он взял себе пиво – добрый голландский «Оранджбум», который он уже сто лет не пил, – потом, с наслаждением приложив к щеке заиндевевшую бутылку, постоял немного, глядя на нее. Она по-прежнему стояла без движения, задумчиво глядя вниз, словно замороженная чем-то там, в мутной глубине реки. Он направился через веранду в ее сторону, протанцевав между пустыми столиками и стульями и встал как ни в чем не бывало рядом с ней у заграждения. Ах, как восхитительно играл багровым золотом закат на ее волосах!

– Есть на что посмотреть, – сказал он.

Она подняла на него глаза: взгляд полный безразличия – вот и все, чего он был удостоен. Она отвернулась. Тогда он водрузил бутылку пива на заграждение.

– Я подумал, почему бы не проведать вас, подумал, может, вы передумали и все-таки выпьете со мной...

Она упрямо смотрела на воду.

– Я же знаю, что такое – оказаться одному в чужом городе. Некому выговориться. Вот я и подумал, что вам, наверное, не очень-то...

– Да оставьте же вы меня, – сказала она и зашагала прочь.

Где же его былое обаяние? Он подхватил пиво и припустил за ней. С видом нарочитого безразличия она шагала вдоль террасы, то и дело смахивая волосы, падающие на лицо. В ее походке было какое-то притягательное раскачивание, и будь в ней поменьше задора, то можно было сказать, что она несет себя с достоинством.

– Мне кажется, мы могли бы вместе поужинать, – сказал он, стараясь не отставать, – просто поужинать и поболтать о том о сем.

– О чем же это?

– Ну, допустим, сначала о погоде, потом о политике, о религии, потом про семью, вашу, мою...

– И все это конечно же с какой-то целью, так?

– Ну, в общем, да...

– Дайте-ка я угадаю с какой: чтобы я оказалась у вас в номере?

– Неужели же вы меня в этом подозреваете, – спросил он обиженным тоном, – думаете, подцепить вас хочу?

– А что, нет?

И она снова пошла прочь от него. На сей раз он за ней не последовал. Какой смысл? Облокотившись на ограждение и прихлебывая пиво, он смотрел ей вслед, на то, как она поднялась по ступенькам на террасу, как села за столик и раскрыла меню. Время чая уже прошло, а ужина еще не настало. Терраса была пуста, если не считать десятка шумных итальянцев за соседним столиком. Какое-то время он не трогался с места, допивал пиво и раздумывал, что же ему делать дальше и можно ли тут было вообще что-либо сделать. На редкость бойкая, ничего не скажешь, крепкий орешек – эта кавалер-дама, едва достающая ему до плеч. Маленькая да удаленькая. Требовалась дополнительная бутылка пива, а к ней – светлая мысль. Сейчас, сейчас он что-нибудь придумает. Он снова направился вверх, по ступенькам к бару. Пересекая веранду, он не удержался и повернул голову в ее сторону, и за те несколько секунд, что он смотрел на нее, навстречу ему вышел хорошо одетый мужчина, таиландец. Едва не столкнувшись с ним, Гай машинально пробубнил извинения, но незнакомец молча, не останавливаясь прошел мимо, вперив взгляд куда-то перед собой. Гай сделал еще пару шагов, и вдруг все нутро его забило тревогу. Это было на уровне инстинкта, в нем заговорил боец, почуявший беду. Что-то не то было в глазах незнакомца. Гаю уже доводилось видеть такие же, ледянящие душу глаза у одного вьетнамца. Выходя как-то из популярного ночного клуба под названием «Дананг», Гай столкнулся с ним плечом к плечу, и на мгновение глаза их встретились. До сих пор Гай помнил, как мороз пошел у него по коже, когда он заглянул в глаза тому человеку. Спустя две минуты, когда Гай стоял на

улице, ожидая своих приятелей, здание клуба разнесло взрывом. Погибло семнадцать американцев. И теперь, все больше чувствуя тревогу, он наблюдал за тайцем, который остановился, изучая обстановку. Похоже, он высмотрел то, что ему было нужно, и направился в сторону столиков на террасе, из которых заняты были только два: за одним – группа итальянцев, за другим – Вилли Мэйтленд. Человек приостановился у входа на террасу, рука его потянулась к внутреннему карману пиджака. Сами собой ноги Гая сделали несколько шагов вперед, глаза еще не успели охватить всю обстановку, но тело уже было готово к действию. В закатных лучах что-то ярко блеснуло у человека в руке, и только тогда на смену интуиции пришло полное осознание происходящего.

– Вилли, осторожно! – выкрикнул Гай и бросился в сторону убийцы.

Глава 2

Услышав крик, Вилли опустила меню и обернулась, и – о боги! – там опять этот сумасброд американец, который неся теперь во весь опор через коктейль-бар, опрокидывая на ходу стулья.

Что этот чокнутый затеял на сей раз? Не веря своим глазам, она увидела, как он пронесся мимо официанта и прыгнул на представительного тайца, в момент столкновения что-то просвистело в воздухе, и острая боль пронзила ей руку выше локтя. Вилли метнулась со стула в сторону, когда двое мужчин рухнули на землю у самых ее ног. Итальянцы повскакивали со своих мест, крича и тыча пальцами в соседей. Тела сцепившихся катались по полу, опрокидывая столики, с которых летели вниз сахарницы, разбиваясь вдребезги о каменный пол террасы. Вилли не помнила себя от изумления. Что здесь происходит? Что толкнуло этого балбеса на драку с предпринимателем-таиландцем?

Наконец оба кое-как поднялись на ноги, и таец нанес сопернику точный удар ногой в живот. Тот скрючился, взревел и свалился на землю, подперев спиной стену террасы. Таец был таков.

Итальянцы уже не находили себе места, а Вилли, пробравшись через поваленные стулья и побитую посуду, села на корточки возле поверженного. На скуле у него уже вздулась шишка, а из порванной губы сочилась кровь.

- Ты живой? – спросила она почти с криком.

Он дотронулся до скулы и вздрогнул от боли.

- Бывало и похуже...

Она оглядела перевернутую мебель.

- Ты только посмотри на этот кавардак! Очень хотелось бы знать, зачем ты все это устроил, – возмущилась она, но он схватил ее за руку.

- Не прикасайся ко мне!

- Да ты в крови!

- Что?!

Она проследила за его взглядом и увидела пятно крови, насквозь пропитавшей рукав, с которого капало на плитняк. В тот же момент организм приказал ей отключиться, покачнувшись, она обмякла и села на пол. Сквозь туман она почувствовала, как ее усадили поудобнее, затем услышала звук распарываемого рукава, кто-то стал осторожно ощупывать руку.

- Расслабься... – пробормотал он, – ничего страшного, надо только наложить несколько швов, только и всего, а пока дыши поглубже.

- Не трогай меня, – пролепетала она, но, как только попыталась поднять голову, вся терраса поехала в сторону. Она различила расплывающиеся очертания изумленных свидетелей происшедшего: итальянцы что-то обсуждали и качали головой, официанты стояли раскрыв от ужаса рот. Американец же с беспокойством в глазах следил за ней. Она попыталась навести на нем резкость и, несмотря на головокружение, отметила, что глаза его излучают тепло и спокойствие. Наконец появился менеджер гостиницы, смертельно испуганный хилый англичанин в превосходном костюме. Официанты стали тыкать в Гая пальцем, менеджер заохал и неодобрительно закачал головой, взирая на потери, понесенные гостиницей.

– Это кошмар какой-то, – пробормотал он, – нет, у меня в гостинице я такого не потерплю, вы остановились здесь? Ах нет? – Тут он повернулся к одному из официантов: – Вызовите полицию, я требую, чтобы этого человека арестовали.

– Да вы что тут все, ослепли? – заорал Гай. – Неужели никто из вас не заметил, что ее пытались убить?!

– Как? Что? Кто?

Гай разворошил осколки на полу и выудил оружие.

– У вас такими на кухне пользуются? – спросил он, подняв кверху нож явно боевого назначения, с острым как бритва клинком, с украшенной перламутром эбонитовой ручкой. – Этот нож предназначен для метания.

– Чушь собачья, – прошипел менеджер.

– Да вы посмотрите на ее руку!

Менеджер обратил взгляд на Вилли и на окровавленный рукав и в ужасе отшатнулся.

– Боже, боже мой, я вызову доктора!

– Не стоит затрудняться, – сказал Гай и подхватил Вилли на руки, – я довезу ее до больницы сам, так будет быстрее.

Вилли дала себя поднять. От Гая исходил запах, вызывающий доверие, – этакое мужественное сочетание пота и лосьона после бритья. Пока он нес ее через террасу, на них глазели изумленные официанты и зеваки из числа постояльцев.

– Какой стыд, – пожаловалась она, – опусти меня, я уже в порядке.

– Отключишься, если опущу.

– Да я ни разу в жизни не отключалась!

– Ладно, давай потом это обсудим.

Он погрузил ее в такси, и она забилась на заднее сиденье, словно раненый зверь.

Доктор в амбулатории не признавал анестезии, Вилли, в свою очередь, не могла позволить себе кричать, и всякий раз, как кривая хирургическая игла впивалась ей в руку, она стискивала зубы и молилась, чтобы этот чудака американец был рядом и держал ее за руку. Ну зачем она строила из себя «железную леди», зачем отправила его ждать снаружи? Даже теперь, когда у нее вот-вот от боли польются слезы, ей так не хотелось признаваться самой себе в том, что ей нужен мужчина, который держал бы ее за руку. И все-таки как было бы хорошо... было бы просто здорово.

«А ведь я по-прежнему не знаю его имени».

Доктор, который вызвал у нее подозрения в садистских наклонностях, закончил последний шов, оборвал нить и дружелюбно произнес:

– Ну вот видите, все не так уж и плохо.

В ответ ей захотелось дать ему в зубы и сказать: «Ну вот видишь, у тебя тоже все не так уж плохо».

Доктор перебинтовал ей руку, похлопал дружески – непременно по этой же руке! – и отправил ее ожидать в приемную.

Гай ходил туда-сюда по приемной комнате; весь в ссадинах и царапинах, он был похож на залетного бомжа с улицы, при этом во взгляде светились тепло и забота о ней.

– Как рука? – спросил он.

Она осторожно дотронулась до плеча.

– В этой стране что, новокаин людям не полагается?

– Разве что нытикам, а ты у нас, похоже, не из таких.

За окном царило марево ночи. Такси было не поймать, и они наняли «так-так» – мотоцикл с паланкином, за рулем которого сидел беззубый таец.

– Ты так и не сказал, как тебя зовут, – пыталась перекрыть она рев мотора.

– Я думал, тебе это неинтересно.

– Теперь, значит, мне надо бы упасть на колени и умолять, чтобы ты представился.

Ухмыляясь, он протянул ей руку:

– Гай Барнард. Нельзя ли и мне узнать твое полное имя?

Она пожала ему руку:

– Виллоун.

– Необычно. И славно.

– Это сокращение от Вильгельмина, чтобы было как можно больше похоже на Уильяма Мэйтленда-младшего.

Он ничего не ответил, но по его глазам она увидела, что он сильно чем-то заинтересовался, но было неясно чем. Медленно тащившийся «так-так» миновал клонг^{[1} - 'Клонг – водный канал в Таиланде. (Здесь и далее примеч. пер.)], стоялые воды которого мерцали в свете фонарей.

– Мэйтленд... – произнес он безучастно, – в войну, помнится, это имя было на слуху. Был такой летчик – Дикий Билл Мэйтленд, работал в «Эйр Америка», вы, случайно, никак не связаны?

Она отвернулась в сторону.

- Это мой отец...

- Да ну?! Так ты кровинка Дикого Билла Мэйтленда?

- Ты же наверняка слышал про него, ведь так?

- А кто не слышал? Это была живая легенда, можно сказать, на одной высоте с самим Магуном Землетрясение[2 - Earthquake Magoon, имеется в виду McGoon. Был такой летчик на самом деле.].

- Вот-вот, - процедила Вилли, - мне от него тоже досталась одна только легенда...

Они замолчали, и она подумала, не покорила ли Гая Барнарда эта едкая фраза.

Если и да, то он умело скрыл это.

- Я в общем-то не был лично знаком с твоим отцом, но однажды видел его в Дананге, на взлетной полосе, я тогда был в наземной команде.

- Это в «Эйр Америка»?

- Нет, в «Арми эйр кэв»[3 - «Воздушная кавалерия».], - он сделал показную отмашку рукой, - рядовой первого класса[4 - В русской армии соответствует званию ефрейтора.]Барнард. Из низов, знаешь ли, в общем, самый отстой.

- Я смотрю, ты здорово поднялся с тех пор.

- Да уж... - он усмехнулся, - короче, старик твой посадил С-46, моторы в дыму, горючего ноль, фюзеляж прострелен так, что через него пейзаж виден. Посадил «птичку» на гудрон как ни в чем не бывало, вылез и давай осматривать пробоины от пуль. Любой другой на колени бы упал, землю бы от счастья целовал, а твой папаша просто пожал плечами и пошел в тенек покемарить. - Гай покачал головой: - Твой отец был не как все.

- Все мне постоянно это твердят.

Вилли смахнула прядь волос с лица, ей не хотелось, чтобы он больше говорил о ее отце. Ведь опять повторялась старая история. Когда она была ребенком, во Вьентьяне, на каждой вечеринке, или на коктейлях, кто-нибудь из летчиков непременно выдавал очередной рассказ про Дикого Билла. Все пили за его выдержку, его смелость, за его лихой юмор, до тех пор пока ей уже не хотелось взвыть. Все эти рассказы лишь показывали, какую маленькую роль они с мамой играли в жизни отца. Может быть, поэтому Гай Барнард начинал раздражать ее. Но тут было и еще что-то, помимо разговоров о Билле Мэйтленде. Чем-то неуловимо Гай до ужаса напоминал ей ее отца.

«Так-так» вдруг наскочил на кочку на дороге, и она столкнулась с плечом Гая. Пронизывающая боль прошла через руку, и все тело ее сковало судорогой.

Он взволнованно посмотрел на нее:

- Ты в порядке?

- Я... - она прикусила губу, чтобы не прослезиться, - что-то мне совсем больно стало.

Он прикрикнул на водителя, чтобы тот замедлил ход, а потом взял в свои руки маленькие кисти Вилли, крепко держал их.

- Осталось совсем немного, почти приехали...

Долгой, очень долгой казалась дорога до гостиницы. В номере Гай усадил ее на кровать, нежным движением поправил ее волосы.

- У тебя есть какие-нибудь обезболивающие?

- Есть... есть аспирин в ванной, я пойду возьму сама...

- Нет уж, сиди и не двигайся.

Он сходил в ванную и вернулся со стаканом воды в руках и пузырьком с аспирином.

Несмотря на боль, застилавшую глаза, она ясно ощущала, что он смотрит на нее, наблюдая за тем, как она глотает таблетки. Ей было странно спокойно рядом с ним, она даже почувствовала себя покинутой, когда он повернулся и отошел на миг в другой конец комнаты. Она увидела, как он стал перебирать содержимое крохотного холодильника.

– Что ты ищешь?

– Уже нашел.

Он вернулся с маленькой бутылочкой виски и, отвернув крышку, протянул ей.

– Жидкая анестезия, средство скорее народное, но зато проверенное.

– Я не люблю виски.

– Да тебе и не нужно его любить, лекарства вообще не должны быть приятными на вкус.

Она кое-как сделала глоток. По горлу и дальше вниз разошелся жар.

– Благодарю... что ли, – промямлила она.

Он стал медленно ходить по комнате, оглядывая плюшевую мебель, потом бросил взгляд на вид из окна, раздвинув стеклянные двери балкона. Снизу, с реки Чаофья, доносилось рычание моторных лодок, мчащихся по воде. Потом он подошел к тумбочке, взял из корзины с фруктами для гостей китайскую сливу и очистил ее от колючей кожуры.

– Ничего так номерок, – констатировал он, поглощенный поеданием сливы. – Не сравнить с этой дырой, отелом «Либерти», в которой обитаю я. А кем ты работаешь?

Она глотнула из стакана виски и поперхнулась.

– Я летчик.

- Прямо как отец.

- Не совсем. Я летаю для заработка, а не для кайфа, хотя деньги небольшие, на грузовой авиации много не сделаешь.

- Но и не маленькие, судя по твоей гостинице.

- Я не плачу за номер.

Он удивленно поднял брови:

- А кто же платит?

- Моя мама.

- О, она сама щедрость.

Его саркастический тон вызвал в ней раздражение. Какое он имеет право совать нос в ее дела. Посмотрите-ка на него! Этот бродяга со следами побоев на лице стоит и жует ее фрукты, любуется ее видом из окна. Ветер растрепал его волосы во все стороны во время поездки на «так-таке», а глаз распух так, что практически закрылся. И почему она вообще терпит этого придурка?!

Он с любопытством разглядывал ее.

- А еще за что-нибудь мама платит? - спросил он.

Она вперила в него взгляд.

- Да, за устройство собственных похорон. - Она с удовольствием отметила, с какой быстротой исчезла нахальная улыбочка с его лица.

- Как-как? Твоя мама что, умерла?

- Нет, но она умирает.

Она устремила взгляд в окно, на фонари вдоль набережной. На секунду они заплясали у нее в глазах словно светляки, тогда она сглотнула, и фонари снова обрели резкость.

- Господи, - она устало запустила в волосы руки и вздохнула, - какого лешего я здесь делаю?

- Я так понимаю, ты здесь не на отдыхе?

- Правильно понимаешь.

- А зачем тогда?

- Гоняюсь за привидением.

Она допила остатки виски и поставила стакан на тумбочку.

- Таково мамино предсмертное желание, а последнее желание это святое, - она взглянула на него, - так ведь?

Не сводя с нее глаз, он погрузился в кресло.

- Помнится, ты говорила, что приехала сюда по семейному делу, а с твоим отцом это как-то связано?

Она кивнула.

- Ты поэтому сегодня ходила к Кистнеру?

- Мы рассчитывали, ну то есть я рассчитывала, что он прольет свет на то, что произошло с отцом.

- А почему Кистнер? Ведь в его ведомство потери в боях не входят.

- Да, но входит военная разведка. В 1970-м Кистнер получил назначение в Лаос, и именно под его началом мой отец в последний раз поднялся в воздух. Он же

руководил поисками упавшего самолета, если это можно назвать поисками.

- Ну и что же Кистнер, сообщил тебе что-то новое?

- Все, что он сказал, я знала и раньше. Сказал, что прошло двадцать лет, и нет смысла продолжать поиски, что отца нет в живых, а найти его останки не представляется возможным.

- Тебе, должно быть, тяжело было услышать все это - поехать в такую даль и остаться ни с чем.

- Тяжело будет маме.

- А тебе?

- Да не особенно.

Она поднялась с кровати и проследовала на балкон.

- Скажу тебе прямо, мне нет никакого дела до отца, - сказала она, глядя вниз, на воду.

Ночной воздух был наполнен запахами реки. Она знала, что Гай смотрит на нее, чувствовала спиной его взгляд и представляла изумление на его лице. Еще бы тут не изумиться! То, что она сказала, было ужасно, и тем не менее это было правдой.

Она скорее почувствовала, чем услышала, как он подошел. Он встал рядом и оперся о перила балкона. Свет от фонарей на набережной вычертил темным силуэтом его лицо.

Она не сводила глаз с мерцающей реки.

- Ты не представляешь себе, что это такое - быть дочерью человека-легенды. Всю жизнь я только и слышу, какой он был смельчак, какой герой. Да что там, конечно же ему самому нравилось быть знаменитым.

- Многим мужчинам это нравится.

- А сколько женщин страдает из-за этого?

- Твоя мать страдала?

Она вскинула глаза к небу.

- Моя мать...

Она помотала головой и засмеялась.

- Ну хорошо, хочешь, я расскажу тебе про маму? Она была певицей в ночных клубах, в лучших клубах Нью-Йорка. Помню, как-то листала ее дневник и наткнулась на вклейку, это был отзыв о ней какого-то репортера с такими словами: «Ее голос словно плетет волшебную паутину, и всякий слушатель неизбежно попадает в нее». Перед ней были открыты все дороги. Но тут она вышла замуж.

Была первой строчкой в афише, а стала примечанием в мужском романе. Несколько лет мы жили во Вьентьяне, и за все время от нее не слышно было ни слова жалобы, хотя ей так хотелось вернуться домой. Она перерывала все полки в магазинах, чтобы найти хоть что-то стоящее к столу. Взрывы смеха против взрывов ручных гранат! Да, отец прослыл героем, но вырастила-то меня она.

Вилли взглянула на Гая:

- Наверное, так и должно быть в жизни, да?

Он не ответил. Она снова стала смотреть на реку.

- Когда у отца закончился контракт с «Эйр Америка», мы какое-то время пожили в Сан-Франциско, отец работал на внутренней авиалинии. Ну а мы... мы с мамой наслаждались жизнью, жизнью в городе, где не услышишь взрыва мины или гранаты. Однако... - она вздохнула, - однако продолжалось это не долго. Отца одолела скука, полагаю, ему не хватало привычного выброса адреналина в кровь. Ну и славы. Вот он и поехал обратно.

- Они развелись?

- Он развода не просил, да мама и не стала бы слушать, она любила его. - Голос ее дрогнул. - Она до сих пор его любит.

- Он один в Лаос уехал, да?

- Подписал контракт еще на два года. Видимо, ему больше подходила компания безбашенных каскадеров. Они там все такие были, эти летчики, - все добровольцы, не по призыву, все дергали смерть за усы. Думаю, что по-настоящему они переживали жизнь, только когда летали, только тогда им и «вставляло». Бьюсь об заклад, что отец поймал свой самый большой кайф именно тогда... перед самым концом.

- А ты тут как тут, через двадцать лет.

- Вот-вот, тут как тут.

- Ищешь человека, на которого тебе наплевать. Как же так?

- Да я не по своей воле, это желание моей матери. Ей никогда много не нужно было, ни от меня, ни от кого бы то ни было. Но тут дело другое, ей просто необходимо знать правду.

- Последнее желание умирающего.

Вилли кивнула.

- Единственное преимущество ракового заболевания: у тебя остается время, чтобы расставить точки над *i*. А в случае с моим отцом этих точек целая куча.

- Но Кистнер дал тебе ответ: отец мертв, разве это не ставит точку?

- После всей той лжи, которую на нас вывалили, не ставит.

- Кто же вам лгал?

Она засмеялась:

- Спроси лучше, кто не лгал. Уж поверь, мы обили все пороги. Были в комитете по потерям на войне, были в разведуправлении, были в ЦРУ. И везде твердят одно: забудьте про это.

- Может быть, они не так уж и не правы?

- А может быть, они скрывают правду?

- Какую же?

- Что отец выжил при падении.

- У тебя есть доказательства?

С секунду она испытующе смотрела на Гая, прикидывая, сколько информации ему можно доверить, и удивляясь тому, что уже столько всего доверила. Она ничего о нем не знала, за исключением того, что у него есть чувство юмора и что у него хорошая реакция. А еще, что глаза карие, а улыбка кривая, как не знаю что. И еще, что он был самым привлекательным мужчиной из всех, кого она встречала. Это последнее наблюдение было для нее как гром среди ясного неба. Он действительно был привлекательным. При этом она не смогла бы точно сказать, что именно делало его таким. Может быть, это – его самообладание, то, как уверенно он держался. А может, во всем виновато чертово виски. Вот поэтому-то ей было так жарко изнутри, а в коленях появилась такая слабость, что казалось, она вот-вот упадет, ей пришлось ухватиться за перила.

- Нам с мамой намекнули... в общем, нам дали понять, что от нас что-то скрывают.

- И намекам этим можно верить?

- Ты бы поверил очевидцу?

- Смотря какому очевидцу.

- Житель из деревни Лао.

- Он видел твоего отца?

- Нет, в том-то все и дело, что не видел.

- Путаница какая-то.

- Сразу после падения самолета, - пояснила она, - товарищи отца распространили листовки с обещанием о награде в два килограмма золота тому, кто обнаружит следы крушения. Листовки раскидали по всей границе и по всей площади Патет-Лао. А спустя несколько недель из джунглей за наградой явился человек. Он сказал, что нашел останки самолета, что самолет упал сразу за чертой вьетнамской границы. Он дал точные описания самолета, вплоть до номера на хвосте. При этом он голову давал на отсечение, что в самолете было только двое погибших - один в кабине и один в салоне. Экипаж самолета состоял из трех человек.

- А что сказали исследовавшие самолет?

- Сведения мы получили не от них, а позже, из пакета с секретными материалами, засунутого в наш почтовый ящик, на нем от руки было написано «От друга». Я так думаю, что это один из друзей отца из «Эйр Америка» прознал что-то о сокрытии информации и решил поставить семью в известность.

Гай застыл на месте, как кошка в тени. Когда он заговорил, она по голосу услышала, что он проявляет очень и очень большой интерес.

- И что сделала тогда твоя мать?

- Она, конечно, уцепилась за это, она бы ни за что не свернула в сторону. Она трясла ЦРУ и «Эйр Америка», но без толку. А потом ей несколько раз звонили, говорили, чтобы она держала язык за зубами.

- А если не будет держать?

– А если нет, то ей про отца откроется такое, чего она и сама знать не захочет, в общем, настоящий позор.

– В смысле, любовницы? Или что?

Они дошли до того места, где эта история начала приводить Вилли в ярость, и ей пришлось собраться с силами, прежде чем продолжить рассказ.

– Они заявили, что... – она перевела дыхание, – что отец работал на вражеской стороне, что он был предателем.

Возникла пауза. Гай произнес нарочно очень мягким голосом:

– Ну и ты, конечно, не веришь этому?

Она чуть не поперхнулась:

– Я?! Да еще бы, черт возьми, я этому поверила! Да ни единому слову.

Они просто-напросто запугать нас хотели таким способом, чтобы мы прекратили докапываться до истины. Это не единственная уловка, к которой они прибегли. Мы продолжали задавать им вопросы, и тогда они прекратили выплачивать пособие за отца, а оно к тому времени выросло до нескольких десятков тысяч. Так или иначе, мы крутились по разным инстанциям в попытке добыть хоть какие-то сведения. Потом война закончилась, и у нас появились все основания узнать, что же произошло. Стали возвращаться солдаты, по телевизору начали показывать встречи с родными. Ну и тяжело же было маме видеть все эти воссоединения с семьей, слушать Никсона, вещавшего про отважных мужчин, наконец-то вернувшихся домой, – к ней-то не вернулись. И тогда нас поразила весть о бойце из экипажа отца, который выжил и вернулся домой.

Гай аж вытянулся от удивления.

– Значит, кто-то спасся?

– Луис Валдес – авиагрузчик, он спрыгнул с парашютом, когда самолет стал падать.

Его схватили почти сразу же после приземления. Пять лет он провел в плену в северовьетнамском лагере.

– Но разве это не объясняет нехватку еще одного тела в самолете? Ну раз Валдес выпрыгнул...

– Там был еще кто-то. В тот же день, как Валдес прибыл на родину, он позвонил нам. Я взяла трубку. Я слышала по голосу, что он был напуган.

Ему было сделано предупреждение в контрразведке, чтобы он держал язык за зубами, но чувство долга перед отцом заставило его сообщить нам о происшедшем. Он сказал, что на борту того самолета был пассажир, некий Лао, который якобы был уже мертв к тому времени, когда самолет начал падать, что тело в кабине, скорее всего, принадлежит помощнику летчика, Козловскому. Таким образом, все равно остается недостающее тело.

– Твой отец.

Она кивнула.

– С этой новостью мы снова идем в Си-ай-эй, а они, представляешь, отметили даже возможность присутствия на борту какого-либо пассажира, говорят, что из груза были только запчасти для самолетов.

– А что сказали в «Эйр Америка»?

– Они утверждают, что у них нет никаких записей о пассажире.

– Так у тебя же было показание Валдеса.

Она покачала головой:

– После того звонка, в тот самый день, когда он должен был прийти к нам, он застрелился. Самоубийство. Так, по крайней мере, было сказано в отчете полиции.

Гай надолго замолчал, и ей стало ясно, что он потрясен.

- Не подкопаешься... - пробормотал он.

- Впервые в жизни я видела свою мать по-настоящему напуганной. Она боялась не за себя, а за меня. Ей было страшно подумать, что может теперь случиться, на что они могут пойти. В итоге она спустила все на тормозах. До тех пор пока...

- Как, было еще что-то?

Она кивнула:

- Примерно через год после смерти Валдеса забавная штука произошла с банковским счетом моей матери, там вдруг оказалось лишних пятнадцать тысяч. В банке смогли узнать лишь то, что денежный перевод был сделан из Бангкока. А еще через год появилась новая сумма, на этот раз около десяти тысяч.

- Столько денег, и она так и не узнала, от кого они пришли?

- Нет. Все эти годы она пыталась выяснить, предполагала, что это мог быть один из товарищей отца, а то и он сам!

Вилли покачала головой и вздохнула.

- Так или иначе, несколько месяцев назад у мамы обнаружили рак и она почувствовала острую необходимость узнать правду. Сама она поехать уже не может, слишком больна, вот и попросила меня. А теперь передо мной стена. Глухая. Такая же, какая была перед мамой двадцать лет назад.

- Может, ты просто не тех спрашиваешь?

- А кто же такие тогда те?

Гай неторопливо приблизился к ней:

- У меня есть связи.

Их руки соприкоснулись на перилах, Вилли почувствовала, как сладкая волна прокатилась от кисти до плеча. Она отдернула руку.

- Что за связи?

- Друзья по работе.

- Так кем же ты все-таки работаешь?

- На мне подсчет погибших, личные знаки. Работаю на лабораторию опознания.

- А-а. так ты военный.

Гай засмеялся и облокотился на перила.

- Боже упаси. После Вьетнама я из армии ушел, пошел учиться, получил диплом по археологическим раскопкам, специальность – скелетная антропология, с упором на Юго-Восточ-ную Азию. Короче, поработал в музее какое-то время, потом смотрю, а в армии-то зарплаты получше, ну и пошел туда. Работал по контракту как гражданское лицо. Те же кости, только теперь у них есть имена, звания и порядковые номера.

- Так ты поэтому летишь во Вьетнам?

Он кивнул:

- Надо забрать на экспертизу очередные порции останков в Сайгоне и Ханое.

Порции останков – прозвучало так сухо, по-больничному, а ведь когда-то это были живые люди.

- У меня есть кое-какие знакомые, – сказал он, – можно помочь.

- С чего бы это вдруг?

- Ты меня заинтриговала.

- Вот как? Одно простое любопытство, и все?

Тут он сделал то, что заставило ее всю содрогнуться: он протянул руку и провел по ее растрепанным волосам. Шею словно обожгло, когда он слегка коснулся ее пальцами. Она застыла на месте, не зная, как ей реагировать на такой внезапный прилив нежности.

- Ну а что, если я просто примерный парень? - шепотом произнес он.

«О боже! Он собирается меня поцеловать, - подумала она, - он собирается поцеловать, а я не буду против, и что же последует за этим, скажите пожалуйста?»

Она откинула в сторону его руку и отпрянула на шаг назад.

- Примерных парней не бывает.

- Боишься мужчин?

- Не боюсь я мужчин, но и верить им тоже нельзя.

- Однако, - в его голосе звучала усмешка, - ведь ты же впустила меня в свой номер.

- Ну так вот, наверное, пора и выпустить.

Она прошествовала по комнате и, дернув за ручку, распахнула входную дверь.

- Или, может быть, тебе непонятно?

- Мне? - К ее удивлению, он последовал за ней к выходу. - Я всегда очень понятлив.

- Как же!

– К тому же я бы и не смог остаться у тебя сегодня вечером, у меня есть дела поважнее.

– Ах вот как?

– Вот так.

Он взглянул на дверь:

– Хороший у тебя засов. Непременно им воспользуйся и, мой тебе совет, не выбирайся сегодня из номера.

– Вот проклятье, а я как раз собиралась выйти.

– Да, и если я тебе понадобится, – выходя, он обернулся к ней с улыбкой до ушей, – я остановился в отеле «Либерти», заходи в любое время.

Она хотела было выпалить «можешь расслабиться, не зайду», но не успела и рта раскрыть, как он вышел. А ей осталось только смотреть на закрытую дверь.

Глава 3

Тобиас Вольф крутанул колеса руками и развернулся в коляске от шкафа со спиртным лицом к старому другу.

– На твоём месте я бы не стал совать нос в это дело, Гай.

В последний раз они виделись пять лет назад. У Тоби по-прежнему было тело атлета, по крайней мере от пояса и выше. За пятнадцать лет сидения в коляске плечи и руки у него еще больше раздались. И все-таки годы брали свое. Тоби было почти пятьдесят, и он не выглядел моложе. Лохматая, как у Бетховена, голова его была почти вся седая, а лицо одутловатое и мокрое от тропической жары. Но взгляд темных глаз не утратил своей цепкости.

- Послушай совета верного пса при компании, - сказал он, протягивая Гаю стакан со скотчем, - не бывает случайных встреч, все они подстроены.

- Совпадение или нет, - сказал Гай, - а Вилли Мэйтленд может обеспечить долгожданный прорыв в моем деле.

- Ну или наоборот, создать одни проблемы.

- А что я теряю?

- Ну скажем, жизнь.

- Прошу тебя, Тоби! Ты же единственный, от кого я могу чего-то добиться.

- Сколько лет уже прошло. Да я и не был непосредственным участником тех событий.

- Но ведь ты был во Вьентьяне, когда это произошло, ты должен помнить хоть что-то по делу Мэйтленда.

- Только то, что витало в воздухе, ничего определенного. Блин, там царила дикая неразбериха! Слухи ходили такие, из каждой мухи слона делали.

- Но ведь были и слоны, ведь так? Типа вашего секретного отряда...

Тоби пожал плечами:

- Нам дали задание - мы его выполнили, вот и все.

- Вспомни, кто занимался Мэйтлендом?

- Это должен был быть Майк Микльвейт. Мне известно, что именно он допрашивал того сельчанина, того, что пришел за наградой.

- И что, его данные оказались правдоподобными?

– Не думаю. По крайней мере, никакого вознаграждения он не получил.

– А почему семья Мэйтленда не была оповещена обо всем этом?

– Вот еще! Мэйтленд не был обычным призывником, он работал на «Эйр Америка», а значит, на ЦРУ. Про такие задания не болтают. Мэйтленд знал, на что шел.

– Его семья имеет полное право знать все, что всплывет на поверхность.

Гай вспомнил, как нелегко было информации дойти до Вилли и ее матери.

Тоби расхохотался:

– Ты что, забыл, что там шла еще и подпольная война, да нас вообще не должно было быть в Лаосе. Никому и дела не было до того, чтобы информировать о происходящем семье.

– Была ли еще какая-то причина того, что обо всем умолчали? Скажем, что-нибудь связанное с неким пассажиром?

Брови у Тоби подскочили вверх.

– А про это ты от кого услышал?

– От Вилли Мэйтленд, она сказала, что там был некий Лао. Все как один отрицают факт его существования, из чего я делаю предположение, что он был фигурой очень непростой. Так кто же он был?

– Я не знаю.

Тоби развернулся в коляске и стал глядеть в открытое окно. Из мрака доносились звуки и запахи с улиц Бангкока. Жарили на решетках мясо, смеялись женщины, тархтел «так-так».

– Там много всякого творилось, и такого, о чем мы помалкивали, а то даже и стыдились говорить. Возьми всех этих агентов да контрагентов, да генералов, да солдат удачи – каждый тянул одеяло на себя, норовя разбогатеть, да побыстрее. Как же мне хотелось удрать оттуда. – Он хлопнул рукой по колесу кресла. – И вот, пожалуйста, посмотри на меня, называется, вышел на заслуженный отдых.

Он откинулся на спинку и вздохнул, глядя в ночь.

– Пусть все идет как идет, Гай, – ну, даже если ты и прав про Мэйтленда и кому-то действительно нужно убрать его чадо, не ходи по лезвию бритвы, Гай.

– Вот в этом-то все и дело, Тоби! Почему это лезвие до сих пор режет? Почему после стольких лет девчонка Мэйтленда так действует им на нервы? Что такого она может открыть?

– Она вообще догадывается, во что влезла?

– Сомневаюсь, но такую не остановишь, вся в отца пошла.

– То есть от нее жди неприятностей? Ну и как ты думаешь заставить ее работать на тебя?

– Вот над этим я как раз сейчас и ломаю голову.

– Ну, всегда можно поиграть в Ромео.

Гай расплылся в улыбке:

– Да, это вариант.

В сущности, как раз этот вариант весь вечер Гай обкатывал в уме. И не потому, что он был столь уверен в успехе. Она была привлекательной особой, и он сгорал от любопытства, что же скрывается под маской суровой недотроги.

– А другой путь, – сказал Тоби, – просто рассказать ей, что это не она тебе нужна, а три миллиона наградных.

- Два.

- Два или три, какая разница? Целая куча бабла.

- И эта куча может мне помочь в сборе информации, - тихо, но значительно произнес Гай.

- Ну хорошо, - вздохнул Тоби, и тут только он развернулся в коляске, удостоив Гая внимания, - тебе нужно имя, пожалуйста - не важно, пригодится оно тебе или нет, - попробуй поищи Алана Жерара - француз, в настоящее время проживает в Сайгоне. У него были тесные связи в компании, он должен знать всю чертовщину, которая творилась во Вьентьяне.

- В компании? Бывший спец, и вдруг живет в Сайгоне? Почему же вьетнамцы не выдворили его?

- Они в нем заинтересованы. Во время войны он промышлял тем, что экспортировал, скажем так, «сырые» медикаменты. А теперь, когда Штаты ввели санкции и отрезали Вьетнам от западных поставщиков, он оказывает им гуманитарную помощь - ввозит в страну из Франции медикаменты, антибиотики, пленки для рентгена, а они ему за это позволяют там жить.

- Ему можно верить?

- Он же был в компании.

- Так значит, нельзя...

Тоби крякнул:

- Но мне-то ты веришь.

- Ты другое дело.

- Это только потому, что я твой должник, Гай. Хотя я частенько думаю, что тебе надо было оставить меня гореть в том самолете. - Тоби потер бесчувственные

ляжки: – Кому нужен получеловек?..

– Не ногами едиными сыт человек, Тоби.

– Ха! Скажи это дядюшке Сэму!

Мощными руками Тоби усадил самого себя в кресле поудобнее.

– Когда ты отбываешь в Сайгон?

– Завтра утром. Я отсрочил полет на несколько дней.

Ладони Гая покрылись потом, как только он подумал о самолете компании «Эйр Франс».

Чтобы заглушить эту мысль, он залпом опрокинул хорошую порцию скотча.

– Если б мог – ей-богу, на корабле бы поплыл.

Тоби засмеялся:

– По-прежнему боишься летать, да?

– До холодного пота и всего прочего...

Он поставил пустой стакан на стол и направился к выходу.

– Спасибо за вискарь. И за наводку.

– Я посмотрю, какие еще есть ходы, – остановил его Тоби, – у меня сохранились связи внутри страны, авось удастся найти кого-нибудь, чтобы за тобой присмотреть там, во Вьетнаме, ну и за ней тоже. Кстати, а этой-то ночью есть кто на стреме рядом с ней, если что?

– Кореша Пуапонга постерегут ее, они никого к ней не подпустят до самого аэропорта.

– А дальше как?

Гай задержался в дверях:

– Потом мы будем уже в Сайгоне, а там безопаснее.

– В Сайгоне? – Тоби помотал головой. – Зря ты так считаешь.

В клубе «Бонг-бонг» царила страшная толкотня, у сцены шумели пьяные мужчины, пытались хватать руками танцующих девиц с пустыми глазами. Никому не было дела до столика в темном углу, за которым сидели двое.

– Вы меня сильно разочаровали, мистер Си-анг. Я думал, вы профессионал и работа будет выполнена, а выясняется, что женщина до сих пор жива.

От обиды лицо Сианга окаменело. Он не привык к таким промашкам, равно как и к критике. Краснея и радуясь темноте, скрывающей его лицо, он поставил стакан с водочным коктейлем на стол.

– Поверьте, возникла совершенно непредвиденная помеха, тот человек...

– Да-да, американец, мне сказали. Некий мистер Барнард.

Сианг был ошеломлен:

– Вы уже знаете его имя?

– Знать все – это моя работа.

Сианг притронулся к разбитому лицу, и его передернуло. Этот мистер Барнард бьет будь здоров, попадись он ему еще раз – получит за причиненное унижение.

– Завтра женщина улетает в Сайгон, – сказал человек.

– Завтра? – Сианг поматал головой. – Мне не хватит времени.

– У вас есть сегодняшний вечер и ночь.

– Вечер? Это невозможно.

На самом деле предыдущие четыре часа Сианг уже потратил на попытки пробраться к ней, но швейцар, словно сторожевой пес, не смыкал глаз за стойкой с ключами, а консьерж и не думал покидать свой пост у дверей лифта, рассыльный же сновал туда-сюда по залу. Жертва была недосыгаема. Сианг хотел было пролезть к ней через балкон, но его план нарушили двое бродяг, расположившихся прямо под ее окном на набережной. Бродяги, хотя и выглядели страшновато, не представляли никакой угрозы для такого человека, как Сианг, и все же он опасался испортить дело очень некрасивой сценой.

Таким образом, его репутация теперь была под угрозой.

– Дело приобретает крайнюю срочность, – сказал человек, – и оно должно быть сделано незамедлительно.

– Но она улетает уже завтра, я не могу дать гарантий.

– Значит, завершите операцию в Сайгоне. Тут или там – но выполнить ее надо.

– Сайгон? Нет, мне туда нельзя.

– Вы поедете под видом участника дипломатической миссии из Таиланда. Скажем, атташе по культурным делам. Я лично позабочусь о необходимых документах.

– На вьетнамском блокпосту очень строгая проверка, мне не удастся ничего провезти...

– Дипломатическая почта отправляется два раза в неделю, следующая отправка через три дня, я посмотрю, что можно переслать из оружия, а до тех пор вам придется действовать по обстоятельствам, подручными средствами.

Сианг погрузился в молчание, раздумывая, каково ему будет снова оказаться на улицах Сайгона.

Он подумал про Шантель, сколько лет прошло с их последней встречи. Злилась ли она на него за то, что он бросил ее там одну? Конечно злилась. Она была злопамятна. Но ему нужно было снова найти путь к ее сердцу. Вряд ли это будет затруднительно. Жизнь во Вьетнаме теперь нелегкая, особенно для женщины, а Шантель любила комфорт, и, если не пожалеть денег на некоторые удобства, от нее можно было добиться чего угодно, душу могла продать за них.

Он хорошо понимал эту женщину.

- Предстоят расходы, - произнес он.

- Я не жадный, и вам это хорошо известно.

Сианг уже соображал, что ему понадобится.

Старая одежда - какие-нибудь поношенные рубашки да выцветшие штаны - чтобы не выделяться в толпе. Сигареты, мыло, бритвы - атрибуты уличного менялы. И разумеется, гостинцы для Шантель...

Он кивнул. Выгодная сделка у него в кармане.

- И последнее, - сказал человек, вставая из-за стола.

- Слушаю вас.

- Похоже, в дело вмешались посторонние. Компания, возможно. Этого зверя лучше не будить. Посему я попрошу вас, как можно меньше крови. Чтобы никто, кроме женщины, не был затронут. Никто.

- Я вас понял.

Человек ушел, и Сианг остался сидеть в углу, наедине со своими размышлениями. Он вспоминал Сайгон. Неужели уже пятнадцать лет прошло? Последние воспоминания о городе предстали в виде лиц полных ужаса, какие-то

руки, проскакивающие через дверь вертолета, рокочущие лопасти пропеллера, облака пыли от обваливающихся крыш домов.

Сианг сделал большой глоток коктейля и поднялся, чтобы уйти. В этот же момент раздались хлопки и свист в толпе у сцены. Свет прожектора освещал загорелую девицу в неглиже, бедра которой обвивал восьмифутовый удав. Дрожь прошла по телу девушки, когда змея заскользила по ней вниз между ног.

Мужчины громко выражали восторг. Сианг оскалился. Ах, старый добрый клуб «Бонг-бонг», всегда здесь увидишь что-нибудь новенькое.

Сайгон

Стоя в саду на крыше отеля «Рекс», Вилли наблюдала столпотворение велосипедов на перекрестке улиц Ле-Лой и Нгуен-Хью. Казалось, еще чуть-чуть и столкновения не избежать.

Велосипедисты на полном ходу неслись по улице, не обращая никакого внимания на отчаянного пешехода, в одиночестве преодолевающего опасный отрезок. Вилли так болела за бедолагу, что до нее едва доходил голос правительственного гида.

– А завтра мы отвезем вас на машине в Национальный дворец, где, купаясь в роскоши, восседало марионеточное правительство; затем мы поедем в Музей истории, где вы узнаете о борьбе нашего народа против китайских и французских империалистов. А на следующий день вы попадете на лакокрасочную фабрику, где сможете приобрести множество замечательных сувениров. Затем...

– Мистер Айнх, – вздохнула Вилли и, наконец, повернулась к gidу, – все это, конечно, звучит очень заманчиво, весь этот ваш план посещений, но вам не приходило в голову, что у меня могут быть и свои дела?

Айнх моргнул. Он был тонким как спичка, но его лицо при этом дышало ангельским здоровьем и было немного совиным из-за толстых очков.

- Мисс Мэйтленд, - в голосе его звучала обида, - я организовал для вас личное авто, а также изысканную трапезу.

- Я вам очень признательна, но...

- Неужели вы не удовлетворены вашей программой экскурсий?

- Вы знаете, откровенно говоря, меня не волнуют экскурсии. Я приехала узнать что-нибудь о моем отце.

- Но ведь вы оплатили тур, и мы обязаны вам его предоставить!

- Я заплатила за тур, чтобы получить визу, и теперь, когда я здесь, мне нужно встретиться с нужными людьми, ведь вы можете мне устроить такие встречи, не так ли?

Айнх нервно замялся.

- О, это же так хлопотно... Я не могу знать, как это сделать... то есть это не в моем... - Он совсем замялся и смолк.

- Прошли месяцы с тех пор, как я написала вашему правительству о моем отце, мне ничего не ответили... Если бы вы только могли устроить мне запись на беседу...

- Сколько именно прошло месяцев со времени вашего запроса?

- По меньшей мере шесть.

- Вы нетерпеливы. Нельзя ожидать, чтобы сразу все получилось.

- Вот тут вы правы, - вздохнула она.

- Кроме того, вы же написали в министерство иностранных дел, а я не имею к нему никакого отношения, я работаю в министерстве туризма.

- И эти ваши два министерства одно с другим не сотрудничают?

- То, другое, находится в другом здании.

- Ну, раз так, то, если это не отяготит вас, может быть, вы меня проведете в то, другое?

Он обратился к ней опрокинутое лицо:

- Но кто же тогда будет вести экскурсии?

- Мистер Айнх, - сказала она сквозь зубы, - экскурсии отменяются.

Печать сильнейшей головной боли легла на лицо Айнха. Вилли едва не испытала чувство жалости, когда он обескураженно зашагал прочь по крыше-саду. Она могла себе представить, через какие заросли бюрократии ему придется продираться, чтобы удовлетворить ее просьбу.

Ей уже посчастливилось убедиться в том, как здесь работала система, а вернее, как она не работала. Целых три часа она провела сегодня в жуткой духоте в аэропорту Тон Сон Нхут, улаживая бесконечную волокиту с чиновниками из отдела иммиграции.

По террасе пробежал ветерок, в первый раз за все время начиная с самого полудня, и, хотя она приняла душ всего час назад, одежда уже была мокрой от пота. Утонув в кресле, она стала мечтательно взирать на полоску неба над Сайгоном, которую закат окрасил в смесь золота и пыли. Должно быть, когда-то это был цветущий город с аккуратно озелененными бульварами и уличными кафе, в которых можно было провести хоть целый вечер попивая кофе. Но после того как город сдался Северу, прежде пьяный от достатка, он скатился в бездну разорения. Всюду бросались в глаза признаки загнивания, от облупившейся штукатурки на колониальных зданиях французского происхождения до каменных скелетов навсегда заброшенныхстроек. Следы заброшенности были даже на отеле «Рекс», весьма солидном для этих мест. Каменный пол потрескался, а в пруду словно палые листья плавали безжизненные карпы. Бассейн на крыше ядовито зазеленел. Одинокий русский турист сидел на краю бассейна, опустив ноги в мутную воду, словно бы колеблясь, искупаться ему или нет.

Вилли подумала, что было что-то общее между непроглядной этой мутной водой и тем положением, в которое она попала.

«И что теперь? – подумала она устало. – Ведь мне одной не справиться, мне нужна помощь, нужен кто-то, нужен...»

– Я вижу, у кого-то опустились руки?

Она подняла голову и увидела загорелое лицо Барнарда на фоне заката. Мгновенный прилив радости при виде знакомого лица, пусть даже этого, лишь продемонстрировал, насколько беспросветным было отчаяние, в которое она погрузилась. Он одарил ее улыбкой, которая могла бы растопить айсберг.

– Добро пожаловать в Сайгон, столицу разрушенных мечт. Как поживаешь, дружок?

– Ты еще спрашиваешь? – выдохнула она.

– Не-а. Я через это прошел, по себе знаю, что это такое – носишься как угорелый, вымаливаешь, чтобы поставили печать на очередной жалкий клочок бумажки. В этой стране бюрократию усовершенствовали до вида искусства.

– Очень утешает.

– Тебе пива взять?

Она испытующе поглядела на знакомое лицо, стараясь разгадать подоплеку его улыбки и подозревая самое худшее. А он, пользуясь ее растерянностью, крикнул, чтобы принесли два пива, и по-свойски рухнул на стул, направляя в ее сторону поток развязной веселости.

– Я думала, ты раньше среды не появишься в Сайгоне.

– Планы изменились.

– Так взяли и изменились?

- Я легок на подъем, это одно из моих достоинств.

Потом печальным голосом добавил:

- А может быть, и единственное...

Официант принес две заиндевевшие бутылки «Хайнекена», и только после того, как он удалился, Гай заговорил:

- Пришла еще партия останков из Дак-То.

- Без вести пропавшие?

- Это мне и предстоит выяснить. Я знал, что мне понадобится еще несколько дней, чтобы обследовать кости. Да к тому же, - он отхлебнул из бутылки, - мне стало скучно в Бангкоке.

- Ну да, конечно...

- Да нет, точно тебе говорю, захотелось сменить обстановку.

- Ты покинул жемчужину Востока ради горстки трупов?

- Верить или нет, я ответственно отношусь к своей работе.

Он поставил бутылку на стол.

- Так или иначе, теперь я здесь, а раз так, то мог бы помочь тебе в чем-нибудь, ведь, наверное, нужна какая-то помощь, да?

Что-то подействовало ей на нервы, может, эта твердолобая самоуверенность, эта сияющая самонадеянная улыбочка.

- У меня все в порядке, - сказала она.

- Ах вот как? И когда же ты идешь на первый прием к властям?

- Этим уже занимаются.

- Чем - этим?

- Не знаю, мистер Айнх взял дело в свои руки и...

- Мистер Айнх? Ты имеешь в виду своего гида? - Он зашелся от смеха.

- И что же в этом такого смешного?

- Ты права, - подавил он приступ хохота, - это совсем не смешно, это очень грустно. Хочешь, я сыграю роль пророка и предскажу тебе будущее? В деталях могу тебе рассказать, что будет дальше. Первым делом, с утра он явится к тебе с виноватым лицом.

- Почему же это с виноватым?

- Потому что он скажет тебе, что министерство сегодня закрыто, что как-никак сегодня великий день, выходной, 18 июля.

- А что великого в 18 июля?

- Да это не важно, что-нибудь придумает. А потом спросит тебя, не желаешь ли ты в таком случае осмотреть фабрику лакокрасочных изделий, где можно приобрести немало замечательных сувениров на память.

И тут засмеялась она. Именно так сказал мистер Айнх, слово в слово!

- На другой же день будет придумана еще какая-нибудь причина, объясняющая, почему не работает министерство, которое, к примеру, охвачено свиным гриппом, ну или вдруг их постигла острая нехватка ластиков. Но зато вы можете поехать в Национальный дворец!

Она перестала смеяться.

- Кажется, я понимаю теперь...

- И дело вовсе не в том, что твой поводырь нарочно будет срывать твои планы, нет. Просто он отлично знает, что ему не справиться с бюрократами и все, что ему остается, - это выполнить свои скромные обязанности, а именно быть твоим гидом и строчить невинные отчеты о пребывании в стране туристки-обаяшки. Не жди от него ничего сверх положенного. Поверь, он уже делает больше, чем ему за это платят.

- Но я и сама не ребенок, пойду да пробьюсь куда мне надо.

- Ну да, а куда ты пойдешь-то? Где они, эти места, находятся, куда тебе надо пойти? И волшебного слова, опять же, не знаешь.

- Что-то у тебя, Гай, не страна, а какая-то комната смеха получается.

- Слово смех здесь не подходит.

- А какое же слово тут подходит?

- Бардак.

Он указал туда, где на улице сгрудились в беспорядочную кучу пешеходы и велосипеды:

- Видишь это? Вот так здесь работают власти - каждый за себя. Министерства стараются обставить другие министерства, районы - другие районы. Любой мелкий чинуша стоит горой за свое болото, и всякий боится сделать шаг в сторону без дозволения сверху. - Он помотал головой. - Система не для слабонервных.

- Ну, я себя слабонервной никогда не считала.

- А ты сначала посиди часов пять в какой-нибудь приемной каморке, пока уже невтерпеж будет, а ближайший туалет в заднице у нег...

- Я поняла.

- Действительно поняла?

- Ну а что ты предлагаешь мне делать?

Он улыбнулся и откинулся на стуле.

- Прими меня во внимание. У меня есть знакомства в разных местах, конечно, не в министерстве иностранных дел, врать не буду, но все же такие, которые могут помочь.

«Ему что-то нужно от меня, - подумала она. - Но что?» Хотя он смотрел уверенно, она уловила в его осанке что-то нетерпеливое, в его глазах читалось скрытое ожидание чего-то.

- Откуда такое острое желание мне помочь?

Он пожал плечами:

- А почему бы нет?

- Это не ответ.

- А как насчет того, что глубоко в душе я по-прежнему один из тех бойскаутов, которые переводят бабушек через дорогу, такой вот хороший мальчик.

- А как насчет того, что ты мне сейчас скажешь всю правду?

- Ты всегда с таким недоверием относилась к мужчинам?

- Всегда, не увиливай в сторону.

Он помолчал какое-то время, барабанил пальцами по пивной бутылке.

- Ну хорошо, - признался он, - я немного присочинил, я никогда не был бойскаутом, но действительно хочу тебе помочь, и от этих слов не отказываюсь.

Она не проронила ни слова, но в ее молчании, во всем ее виде читалось недоверие к нему.

Но почему? Почему, когда он был так искренен в своей заботе? Что сделало ее такой подозрительной? Слишком много шишек набила в жизни? Слишком много лжи пришлось вытерпеть от мужчин?

«Ну что ж, держись, крошка, я не лучше других», – подумал он с тенью презрения к себе, но тут же отогнал это неприятное чувство – слишком высоки были ставки в этой игре, чтобы теперь мучиться угрызениями совести, да еще в его возрасте. Теперь он готовился сказать очередную ложь. Он часто в последнее время прибегал ко лжи. Хотя легче его жизнь от этого не стала.

– Твоя правда, – сказал он, – я вовсе не по велению сердца всем этим занимаюсь.

Она явно ничуть не была удивлена, и это было Гаю досадно.

– И какую же награду ты ждешь? – спросила она, не сводя с него пристального взгляда. – Деньги? – Она сделала паузу. – Секс?

Последнее слово было брошено так просто, что по животу у него пробежал холодок.

Не то чтобы он ни разу не думал об этой стороне дела. Думал, и много раз, с тех самых пор, как она ему встретилась. И теперь, когда она сидит вот так, в нескольких шагах от него, не сводя с него немигающего взгляда, так трудно было удержать полет воображения. Хотя в голове у него и пробежала мысль добавить к сделке немного секса, он тут же отогнал ее – это было бы уже вовсе подлостью. Он не спеша дотянулся до бутылки. От пива уже не отдавало морозом.

– Нет, – произнес он, – секс в мои планы не входит.

– Понятно, – она закусила губу, – тогда остаются деньги.

Он кивнул.

- Должна тебе сказать, у меня денег нет. По крайней мере, про твою честь.

- Я не о твоих деньгах говорю.

- А о чьих же?

Он выдержал паузу, чтобы придать своим словам вкрадчивости. Теперь фразы едва срывались с его языка.

- Ты когда-нибудь слыхала о «Эриал групп»?

- Нет, никогда.

- Я тоже нет. До того дня, когда две недели назад со мной связались два представителя оттуда. Представляют они организацию ветеранов, занимающуюся поисками и возвращением на родину без вести пропавших, живых без вести пропавших. Готовы прибегнуть к любым средствам, хоть Рэмбо заслать.

- Понятно, - сказала она, поджав губы, - кажется, речь идет о шизанутых на подпольных операциях.

- Я тоже так сначала подумал и даже чуть не выставил их за дверь, а они возьми да и всучи мне банковский чек, и сумма на нем вполне кругленькая. Двадцать тысяч, как они сказали, «на расходы».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

'Клонг – водный канал в Таиланде. (Здесь и далее примеч. пер.)

2

Earthquake Magoon, имеется в виду McGoon. Был такой летчик на самом деле.

3

«Воздушная кавалерия».

4

В русской армии соответствует званию ефрейтора.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tess-gerritsen/nadezhda-umiraet-posledney>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)